

14. **Stahr, Volker S.** Neuedition von Rückerts Koranübersetzung / Volker S. Stahr // *Kulturchronik*. – 1996. – № 3. – S. 16.
15. **Weinzierl, Ulrich.** Herlinde Koelbl: “Wie Schriftsteller zu Werke gehen” / Ulrich Weinzierl // *Kulturchronik*. – 1999. – № 1. – S. 34–36.

Reference

1. Vannikov, Yu. V. (1988), *Problems of the adequacy of translation. Types of adequacy, types of translation and translation. Text and translation [Problemy adekvatnosti perevoda. Tipy adekvatnosti, vidy perevoda i perevodcheskoy deyatel'nosti. Tekst i perevod]*, Moscow, 164 p.
2. Latyshev, L.K. (2000), *Technology of Translation [Tekhnologiya perevoda]*, Moscow, 280 p.
3. Seraya, V. I., Manyakina, T. I. (2013), “To the specifics of translations into Russian of German texts in the publication “Kulturchronik””, *Philology: Proceedings of the final conference Oles Honchar Dnepropetrovsk National University* [“K spetsifike perevodov na russkiy yazyk nemetskikh tekstov v izdaniy “Kulturchronik””, *Filologichni nauki: zb. materialiv pidsumk. nauk. konf. stud. ta vinkl. Dnipro. nats. un-ta im. O. Gonchara*], Dnipropetrovsk, pp. 200–205.
4. Seraya, V. I., Manyakina, T. I. (2014), “Features of modern translations of cultural texts from German into Russian”, *Philology: Proceedings of the final conference Oles Honchar Dnepropetrovsk National University* [“Osobnosti sovremennykh perevodov kul'turovedcheskikh tekstov s nemetskogo yazyka na russkiy”], *Filologichni nauki: zb. materialiv pidsumk. nauk. konf. stud. ta vinkl. Dnipro. nats. un-ta im. O. Gonchara*], Dnipropetrovsk, pp. 290–294.
5. Fedorov, A.V. (2002), *Fundamentals of the general theory of translation [Osnovy obshchey teorii perevoda]*, Moscow, 416 p.
6. Chukovsky, K. I. (1988), *High art [Vysokoye iskusstvo]*, Moscow, 352 p.
7. Bellet, Harry. (1996), “Albrecht Dürer in Paris”, *Kulturchronik*, № 4, pp. 13–15.
8. Billes, Gertrud. (1998), “Hochschulen Machen Reform”, *Kulturchronik*, № 2, pp. 51–52.
9. Jaeger, Falk. (1996), “Architekturhauptstadt Berlin”, *Kulturchronik*, № 1, p. 8.
10. *Kulturchronik: Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland*. – Bonn: INTER NATIONES (Kulturchronik: Вести и сообщения из федеративной республики Германия. – Bonn: INTER NATIONES e.V).
11. Kuprecht, Holger. (1998), “Weltbürger wider Willen”, *Kulturchronik*, № 5, pp. 27–28.
12. *Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart: in 2 Bd.*, (1968), VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, Bd. 1, pp. 281–282.
13. Rossman, Andreas (1997), “Wunder in der Provinz”, *Kulturchronik*, № 4, pp. 8–10.
14. Stahr, Volker S. (1996), “Neuedition von Rückerts Koranübersetzung”, *Kulturchronik*, № 3, pp. 16.
15. Weinzierl, Ulrich (1999), “Herlinde Koelbl: “Wie Schriftsteller zu Werke gehen”, *Kulturchronik*, № 1, pp. 34–36.

Надійшла до редколегії 24.01.2017

УДК 801.161.1'367

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТИПОЛОГИЯ СОГЛАСОВАНИЯ КАК ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Предложена общая типология согласования как подчинительной синтаксической связи, выделены три основных типа согласования: 1) полное, когда уподобление осуществляется во всех общих для определяемого и определяющего грамматических категориях; 2) неполное,

когда в какой-то части таких категорий уподобление есть, а в остальных отсутствует; и 3) нарушенное, когда при уподоблении словоформ в некоторых грамматических категориях имеет место нарушение согласования, расподобление этих словоформ в других категориях и главное слово употреблено в одной грамматической форме, зависимое – в иной.

Ключевые слова: согласование, подчинительная синтаксическая связь, уподобление словоформ, расподобление, типология, полное согласование, неполное, нарушенное.

Меншиков І. І. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ТИПОЛОГІЯ УЗГОДЖЕННЯ ЯК ПІДРЯДНОГО ЗВ'ЯЗКУ

Запропоновано загальну типологію узгодження як підрядного зв'язку, виділено три основні типи узгодження: 1) повне, коли уподібнення здійснюється в усіх загальних для слів визначуваного та того, що визначає, граматичних категоріях; 2) неповне, коли в якійсь частині таких категорій уподібнення є, а в інших – відсутнє; і 3) порушене, коли при уподібненні словоформ у деяких граматичних категоріях має місце порушення узгодження, розподібнення цих словоформ в інших категоріях і головне слово використано в одній граматичній формі, а залежне – в іншій.

Ключові слова: узгодження, підрядний синтаксичний зв'язок, уподібнення словоформ, розподібнення, типологія, повне узгодження, неповне, порушене.

Menshikov I. I. Oles Honchar Dnipropetrovsk national university. **TYOLOGY OF THE AGREEMENT AS A SUBORDINATE SYNTACTIC CONNECTION**

In the article is suggested more general, comparing to the traditional one, typology of agreement as a subordinate syntactic connection, which is based on two fundamentals: 1) agreement is one of the types of the subordinate connection; 2) agreement exists in case, and only in this case, when there is an assimilation of the dependent word with the form of the main one. In correspondence with these fundamentals is created general typology of the agreement as a subordinate syntactic connection, including three main types of the agreement: 1) full agreement – the assimilation of the dependent word with the main one in all common grammatical categories (*новая книга, моим другом, разбитому окну*); 2) partial agreement – form of the dependent word assimilates with form of the main word in some common grammatical categories, formally is not corresponding with the rest of grammatical categories and corresponding grammatical meanings (*мои, окна; с самим собой* – agreement in number and case, but not in gender; and 3) violated agreement – the assimilation of the dependent word with the form of the main one is made in some grammatical categories, but in the other categories (when there is no such an agreement) the dependent word is used not in the same form as the main word and it shows the dissimilation of the forms – violation of the agreement, as it can be presented in such constructions as *два красных карандаша; наша декан; молодая доктор наук*, when agreement in number and case, but different grammatical meaning of the gender for the dependent and main words.

Key words: agreement, subordinate syntactic connection, assimilation of the wordforms, dissimilation, typology, full agreement, partial, violated.

Согласование традиционно считается самым простым, легко узнаваемым и системно маркируемым видом одной из подчинительных синтаксических связей, поскольку формальные показатели согласования как уподобления формы зависимого слова форме главного в каких-то общих для этих слов грамматических категориях или, по А. М. Ломову, как уподобления зависимого компонента главному по некоторым общим для них грамматическим значениям [7, с. 348] имеют место как у синтаксической доминанты, так и у зависимого компонента соответствующих словосочетаний. И тем не менее при описании согласования далеко не всё излагается в достаточной степени адекватно, а главное – непротиворечиво, в особенности когда речь идёт о различного рода видах и подвидах именно этой синтаксической связи, а не о каких-то её аналогах типа, скажем, согласования времён [1, с. 438; 8, с. 287] или уподобления при сочинительной связи [3, с. 85–92; 4, с. 169–177], при предикативных отношениях [5, с. 134], а также при синезисе [15, с. 544] и др., аналогах, сопровождающихся формальной соотнесённостью тех или иных словоформ некоторой речевой цепи, но реально не вступающих между собой в иерархические отношения.

Лингвисты выделяют и описывают самые различные виды согласования. Чаще всего при этом говорится о полном и неполном согласовании как о согласо-

вани по всем общим для соответствующих слов грамматическим категориям (как правило, категориям рода, числа и падежа – *новый дом*) или только по некоторым из них (скажем, в числе и падеже – *новые дома*) [11, с. 346], а также о согласовании смыслом, когда выбор той или иной формы зависимого слова осуществляется не с ориентацией на форму главного слова, а в соответствии со смыслом всего высказывания и синтаксической функцией зависимого слова [1, с. 405; 15, с. 64]. Есть и более детальные классификации согласования. Так, например, А. М. Ломов, наряду с полным, неполным и смысловым, говорит ещё о двух типах согласования: скрытом и ассоциативно-грамматическом [7, с. 349]; у Е. С. Скобликовой четыре основных типа согласования: собственно-грамматическое, смысловое, условно-грамматическое и ассоциативно-грамматическое [1, с. 45–47], а у А. П. Загнитко в предметном указателе к Теоретической грамматике украинского языка фиксируется шесть типов согласования: ассоциативно-грамматическое, собственно-грамматическое (формально-грамматическое), неполное, полное, смысловое и условно-грамматическое [2, с. 645]. Используются также термины *грамматическое согласование* [8, с. 287], *нарушенное согласование* [1, с. 438], *синезис* [1, с. 405; 8, с. 266; 14, с. 544], *взаимосогласование* для конструкций типа *юноша-студент* [11, с. 320], *частично-падежное (частково-відмінкове) согласование* для конструкций типа *п'ятьма книжками, у п'яти книжках* [15, с. 644] и др. Не все такого рода типы согласования, однако, как и три приведенных выше более употребительных и чаще используемых термина: полное, неполное и смысловое согласование – отвечают логике вещей и требованиям, предъявляемым к научной, в том числе и к лингвистической, терминологии.

Обозначим реальное содержание используемых в предлагаемом исследовании терминов, введя несколько необходимых для этого постулатов, базирующихся не только на объективных реалиях, но и, как это нам представляется, на самых общих принципах изучения и описания семантико-грамматических отношений между компонентами речевой цепи.

Первое и самое, пожалуй, главное, из чего в соответствии с объективными реалиями и трактовкой согласования подавляющим большинством лингвистов мы, по-видимому, должны исходить, – это квалификация согласования в качестве **подчинительной** синтаксической связи между компонентами словосочетания [7, с. 348; 6, с. 47; 9, с. 44; 13, с. 47 и др.]. И принятие уже только этого постулата снимет вопрос о наличии согласования, а соответственно и об определении его типа в целом ряде синтаксических конструкций, и в частности: между подлежащим и сказуемым, поскольку, во-первых, они не образуют собственно словосочетания и, во-вторых, между этими членами предложения имеют место не иерархические (подчинительные) отношения, а предикативные, хотя при координации форм главных членов двусоставного предложения может, как известно, иметь место и уподобление соответствующих словоформ [1, с. 208; 6, с. 479], но это не будет согласованием как одним из видов подчинительной связи. Снимется вопрос о согласовании в аппозитивных конструкциях, связь между определяемым и определяющим в которых квалифицируется не как связь подчинительная, а как корреляция [5, с. 138; 10, с. 248–250]. Нет, очевидно, смысла говорить о согласовании и в целом ряде конструкций с внесистемными, по терминологии И. С. Поповой, синтаксическими отношениями, такими, например, как расчленение и сцепление, когда некоторое слово той или иной речевой цепи синтаксически подчиняется какому-либо одному её компоненту, а уподобляет свою форму другому (*Учебник лежит открытым; Он подошёл к девушке, с которой не был знаком*, и т. п.) [10, с. 268, 285]. Не следует поэтому декларировать согласование в конструкциях типа *Мальчик вернулся из пионерского лагеря повзрослевшим*, как это делает

О. С. Ахманова в своём Словаре лингвистических терминов [1, с. 438], и *Вспоминаю его молодым и весёлым*, как, например, у Т. В. Матвеевой в её Полном словаре лингвистических терминов [9, с. 441]. В первом из этих словарей неправомерно, на наш взгляд, используется и термин **нарушенное согласование**, иллюстрируемый такими примерами: *Свадьба Наташи... было последнее радостное событие; Первое лицо, которое он увидел... была Наташа* [1, с. 438]. Надо полагать, что только сопутствующее слову *согласование* определение *нарушенное* делает в данном случае вообще возможным обращение к этому термину в его основном значении даже при том, что уподобляются в приведенных примерах формы слов, не образующих словосочетание.

Второй постулат мы свяжем с толкованием самого понятия согласования как наличия или отсутствия грамматического уподобления форм слов, вступающих в иерархические отношения, и сформулируем этот постулат, опираясь на суть соответствующего явления, таким образом: как один из трёх основных типов подчинительной синтаксической связи, согласование (полное или неполное) имеет, очевидно, место тогда и только тогда, когда в том или ином виде наличествует грамматическое уподобление формы зависимого слова форме главного либо во всех (*старшая сестра* – уподобление в роде, числе и падеже), либо только в некоторых (*голубыми глазами* – уподобление в числе и падеже, но нет уподобления в роде) из общих для этих слов грамматических категориях. При отсутствии указанных или подобных им случаев уподобления нет, очевидно, смысла вообще говорить о согласовании, в том числе, конечно же, и о смысловом.

И в самом деле. В субстантивных словосочетаниях типа *наша врач* и *молодая профессор* есть зависимые слова, выраженные адъективным местоимением и прилагательным, которые, уподобляя свою форму форме существительного в числе и падеже, не соотносятся с ним в форме рода и не уподобляются ему в этой категории. Форма женского рода у соответствующего определения выбрана на основании каких-то семантических, а не грамматических параметров синтаксической доминанты и к согласованию как уподоблению форм, в том числе и к так называемому смысловому согласованию, если вообще при этом можно говорить об уподоблении словоформ, никакого отношения не имеет, как не имеет никакого отношения к согласованию, скажем, выбор формы родительного или какого-либо иного падежа у субстантивного определения к существительному (*чтение книги, подарок имениннику* и *увлечение музыкой*).

Можно, конечно, при отсутствии уподобления формы зависимого слова форме главного оперировать понятием нарушенного согласования, как это делает О. С. Ахманова [Там же, с. 438], поскольку в наших примерах имеет место явное, если можно так выразиться, рассогласование, т. е. нарушение собственно уподобления: определяемые существительные стоят в форме мужского рода, а детерминанты к ним – в форме женского. Однако важно иметь в виду, что и при нарушенном согласовании эта подчинительная связь в приведенных словосочетаниях так или иначе проявляет себя (пусть не во всех, а только в отдельных грамматических категориях), т. е. сам факт уподобления форм слов налицо, а значит, о согласовании, хотя и неполном, частично нарушенном, здесь говорить можно. Нужно лишь, как нам кажется, оговорить именно частный характер такого нарушения, его избирательное, т. е. только для некоторых грамматических категорий и лишь в определённом роде коммуникативных ситуациях, проявление, обусловленное особенностью морфологии компонентов словосочетания или, скажем, отсутствием формального выражения грамматического значения какой-либо категории у зависимого слова вступающих в иерархические отношения компонентов словосочетания, как это мы уже выше отметили у адъектива, подчиняющегося имени су-

ществительному, употребленному во множественном числе. Ср.: *мой дом, моя комната, моё окно*, но *мои дома, комнаты, окна*. Нарушенное согласование может стать нормой, а зачастую даже и не замечаться носителями языка, как, например, это имеет место, когда мы говорим и пишем что-нибудь вроде *Принеси мне, пожалуйста, два/три/четыре красных карандаша*, употребляя при этом подчиняющееся существительному прилагательное *красных* во множественном, а не в единственном числе, как у стоящего в единственном числе имени существительного, которому это прилагательное уподобляет свою падежную форму (значит, согласование, пусть только и в одной категории, всё же есть), но оно нарушено.

В качестве смыслового согласования (согласования по смыслу, синезиса) обычно толкуется такая форма зависимого слова, которая, как уже было отмечено, определяется не формой главного, а либо его синтаксической функцией в данной речевой цепи (*Он купил новое пальто; У него нет нового пальто; Он доволен новым пальто*), либо общим смыслом высказывания и какими-то экстралингвистическими факторами (*Я говорю это самому/самой себе; Побеспокойся, пожалуйста, о нашем/нашей сироте*). Уподобления словоформ, а соответственно и согласования при этом нет, и такая ситуация, как правило, возникает при морфологической, условно говоря, ущербности стержневого слова словосочетания, когда те или иные грамматические значения не находят своего формального выражения у определяемого компонента словосочетания, в том числе и тогда, когда он является, скажем, неизменяемым существительным. Грамматическое уподобление формы одного слова форме другого здесь в принципе невозможно, а ориентация на какие-то иные факторы выбора формы зависимого слова объективно ничем не обуславливает и не требует собственно согласования как подчинительной связи, каким бы определением мы ни попытались сопроводить термин, обозначающий эту синтаксическую связь, назвав согласование смысловым, скрытым, ассоциативно-грамматическим или каким-то иным. Термин же *нарушенное согласование* представляется нам вполне приемлемым, но с учётом сделанных выше замечаний.

Грамматическое уподобление форм слов в некоторой синтаксической конструкции – явление, довольно распространённое не только в русском, но и в других славянских языках, однако уподобление – это не один из чётко обозначенных в украинистике трёх основных видов синтаксической связи: предикативной, подчинительной и сочинительной, – выделяемых на основе одного из направлений синтаксической зависимости: 1) двустороннее направление зависимости – предикативная связь; 2) одностороннее направление зависимости – подчинительная связь; 3) отсутствие зависимости – сочинительная связь [2, с. 28; 10, с. 217; 15, с. 549]. Это по сути своей лишь некое средство, один из способов материального обозначения какого-либо частного проявления любого из указанных основных видов синтаксической связи, причём чаще всего подчинения, средство, которое может быть реализовано при маркировке и иных семантико-грамматических отношений между компонентами речевой цепи, таких, в частности, как координация (*Мама очень устала*) и корреляция (*Я живу в городе Киеве*), но здесь не подчинительная связь, и, следовательно, факт уподобления тех или иных словоформ не означает того, что они находятся в иерархических отношениях и между ними имеет место согласование или какой-либо из видов этой синтаксической связи.

Общая типология согласования как подчинительной синтаксической связи, при которой форма зависимого слова уподобляется форме главного в общих (всех или некоторых) для этих слов грамматических категориях, может быть, таким образом, представлена только тремя основными типами этой связи:

1) **полное согласование** – уподобление зависимого слова главному имеет место во всех общих для этих слов грамматических категориях (*новая книга, моим другом, разбитому окну*);

2) **неполное согласование** – форма зависимого слова уподобляется форме главного только в некоторых общих для этих слов грамматических категориях, формально не соотносясь с остальными грамматическими категориями, а значит, и с соответствующими грамматическими значениями (*мои окна; с самим собой* – согласование в числе и падеже, нет согласования в роде);

3) **нарушенное согласование** – уподобление формы зависимого слова форме главного в некоторых грамматических категориях осуществляется, а в некоторых (когда нет такого уподобления) зависимое слово употреблено не в той форме, в какой употреблено главное и налицо расподобление форм, т. е. нарушение согласования, как это имеет место в конструкциях *два красных карандаша; наша декан; молодая доктор наук*, когда есть уподобление в числе и падеже, но разные грамматические значения и формы рода у определяемого и определяющего.

При описании каждого из трёх указанных основных типов согласования, в особенности неполного и нарушенного, могут быть выделены те или иные их подтипы или разновидности. И если случаи полного согласования можно связать, скажем, с характером парадигматических классов слов, образующих словосочетание, в котором уподобляются все грамматические формы главного и зависимого слов (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, причастие), то в качестве основания для классификации неполного согласования естественно, по-видимому, принять комплекс тех грамматических категорий, в рамках которых уподобление осуществляется или не осуществляется (теоретически здесь максимум шесть вариантов: род, число, падеж, род и число, род и падеж, число и падеж), а нарушенное согласование может быть подразделено на конструкции с тем или иным характером рассогласования, расподобления в комплексе тех же, что и при неполном согласовании, грамматических категорий. Однако это уже предмет особых поисков и специальных исследований.

Библиографические ссылки

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. **Загнітко А. П.** Теоретична граматика української мови. Синтаксис / А. П. Загнітко. – Донецьк : Дон НУ, 2001. – 662 с.
3. **Коник Т. В.** Упорядкування в системі синтаксичних зв'язків слів / Т. В. Коник // Вісн. Дніпропетр. нац. ун-ту. Мовознавство. – 2005. – Вип. 11. – Т. 4. – С. 169–177.
4. **Коник Т. В.** Метамовні аспекти узгодження як одного із типів сурядного зв'язку / Т. В. Коник // Дослідження з лексикології і граматики української мови. – Д. : Пороги, 2005. – С. 85–92.
5. **Кротевиц Є. В.** Словник лінгвістичних термінів / Є. В. Кротевиц, Н. С. Родзевич. – К. : Вид-во АН УРСР, 1957. – 236 с.
6. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 688 с.
7. **Ломов А. М.** Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М. : Восток-Запад, 2007. – 416 с.
8. **Марузо Ж.** Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 436 с.
9. **Матвеева Т. В.** Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 563 с.
10. **Попова І. С.** Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель) : моногр. – Д. : Вид-во ДНУ, 2009. – 432 с.

11. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – Изд. 2-е, испр. – М. : Рус. язык, 1990. – 640 с.
12. **Русский язык. Энциклопедия** / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
13. **Синтаксис современного русского языка** / под ред. С. В. Вяткиной. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 347 с.
14. **Скобликова Е. С.** Очерки по теории словосочетания и предложения / Е. С. Скобликова. – Куйбышев : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 140 с.
15. **Стариченок В. Д.** Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.
16. **Українська мова. Енциклопедія** / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

References

1. Ahmanova, O. S. (1966), *Vocabulary of linguistic terminology* [*Slovar' lingvisticheskikh terminov*], Moscow, 608 p.
2. Zagnitko, A. P. (2001), *Theoretical Grammar of the Ukrainian language. Syntax* [*Teoretichna gramatika ukraïns'koï movi. Sintaksis*], Donetsk, 662 p.
3. Konik, T. V. (2005), *Assimilation in the system of the syntactic connections of words* [*Upodibnennja v sistemi sintaksichnih zv'jazkiv sliv*], Dnipropetrovsk, 169–177 p.
4. Konik, T. V. (2005), *Metalanguage of the agreement as one of the types of syntactic connections* [*Metamovni aspekti uzgodzhennja jak odnogo iz tipiv surjadnogo zv'jazku*], Dnipropetrovsk, pp. 85–92.
5. Krotevich, E. V. (1957), *Vocabulary of linguistic terms* [*Slovník lingvistichnih terminiv*], Kiev, 236 p.
6. Jarceva, V. N. (1990), *Linguistic encyclopedic dictionary* [*Lingvisticheskij jenciklopedičeskij slovar'*], Moscow, 688 p.
7. Lomov, A. M. (2007), *Vocabulary-reference in syntax of the modern Russian language* [*Slovar'-spravochnik po sintaksisu sovremennogo russkogo jazyka*], Moscow, 416 p.
8. Maruzo, Zh. (1960), *Vocabulary of linguistic terms* [*Slovar' lingvisticheskikh terminov*], Moscow, 436 p.
9. Matveeva, T. V. (2010), *Full vocabulary of linguistic terms* [*Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov*], Rostov n/D, 563 p.
10. Popova, I. S. (2009), *Fundamental categories of the metalanguage of the Ukrainian syntax (unit, connection. model)* [*Fundamental'ni kategorii metamovi ukraïns'kogo sintaksisu (odinicja, zv'jazok, model')*], Dnipropetrovsk, 432 p.
11. Shvedova, N. Ju, Lopatin, V. V. (1990), *The Russian Grammar* [*Russkaja grammatika*], Moscow, 640 p.
12. Filina, F. P. (1979), *The Russian language. Encyclopedia* [*Russkij jazyk. Jenciklopedija*], Moscow, 432 p.
13. Viatkina, S. V. (2008), *Syntax of the modern Russian language* [*Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka*], St. Petersburg, 347 p.
14. Skoblikova, E. S. (1990), *Review in theory of word-combination and sentence* [*Očerki po teorii slovosocetanija i predlozhenija*], Saratov, 140 p.
15. Starichenok, V. D. (2008), *Big linguistic dictionary* [*Bol'shoj lingvisticheskij slovar'*], Rostov n/D, 811 p.
2. Russaniv's'kiy, V. M., Taranenko, O. O. (2000), *The Ukrainian language. Encyclopedia* [*Ukraïns'ka mova. Enciklopedija*], Kiev, 752 p.

Надійшла до редколегії 15.11.2016